

В апреле погода в Париже мягкая и приятная. Я вернулась меньше, чем полгода назад. Сердце успокоилось, словно в нирване, после того, как решишься уйти в небытие. В конечном итоге моя мама тоже не поехала, потому что ей было бы слишком плохо при отъезде, и она, вероятно, не слишком хотела увидеть меня, потому что я с детства и по настоящее время отстаивала свою независимость. Поэтому я просто позвонила ей и сказала, что не поеду в Шанхай, а сразу полечу во Францию. Её ответ меня не удивил. Она сказала, чтобы я была осторожна в пути.

Раньше я всегда усердно добивалась признания от других людей, сейчас я не нуждаюсь в нем. Мне все равно, скольким людям я нравлюсь, и сколько людей хотят меня защитить, я лишь хочу спокойствия.

Ранним утром в субботу я понесла свои принадлежности для рисования в живописный пригород, где была церковь в стиле ранней готики, и где по выходным много людей приходило помолиться. Рядом с церковью есть старая и известная начальная школа. Школьный учитель время от времени выводил учеников на свежий воздух на внеклассные занятия. Однажды один ребенок подбежал посмотреть, что я рисую, и когда увидел, разочарованно сказал: "Ты плохо рисуешь". Я улыбнулась и снова начала рисовать, используя левую руку и начиная с нуля.

Неплохая сегодня погода. Сейчас пока рано, к обеду, должно быть, придет немало народу, чтобы устроить пикник на траве и насладиться солнцем.

После того, как я нашла подходящее место с хорошим видом, я установила мольберт, достала карандаши и краски и начала медленно изображать золотое солнце, отражающееся от воды.

Приехав первый раз во Францию, я год учила французский, а потом начала изучать живопись. Поскольку я рисую с шести лет, фундамент в этой сфере уже заложен, и самой мне рисовать очень нравится. Но на втором курсе, после того, как я уже не могла использовать правую руку, мне пришлось перевестись на специальность СМИ, изучая кино и рекламу. Таким образом, я прекратила занятия живописью через полтора года обучения. Вследствие того, что телевидение и реклама на одном факультете с живописью, смена специальности не вызвала больших трудностей, хоть я и сожалела, что не смогу больше рисовать. Но в действительности в те годы наибольшей проблемой было мое собственное положение.

Вернувшись после обеда в общежитие, я увидел миссис Мадан, машущую мне издали. Её сухие волосы развевались на ветру, а желтоватое лицо сияло на солнце.

Когда я подошла, миссис Мадан улыбнулась и сказала мне:

— Анастасия, дорогая, к тебе пришел кто-то, такого же восточного типа внешности, как и ты. Он очень красивый! Ждал тебя все утро и все еще там за общежитием, иди и найди его.

У меня здесь нет знакомых азиатов, и даже если и есть, мы лишь кивали друг другу в знак приветствия. Но я не знаю кого-то такого, что мог бы меня спрашивать.

— Спасибо вам, миссис Мадан, — я направилась к задней части общежития, гадая, кто бы это мог быть.

Когда я увидела на лужайке прислонившегося к восточному платану и игравшего в телефон Е Линя, несколько удивилась. Он был в белом чистом костюме, его немного длинные волосы были подстрижены и выглядел он более энергичным.

Он поднял голову, когда я к нему подошла.

— Когда ты приехал во Францию? — первым делом спросила его я. Даже не ожидала, что могу быть такой спокойной. Видимо, это потому, что я действительно отпустила его.

— Вчера.

— А, развлекаешься? — сначала я подумала, что он, возможно, приехал во Францию, чтобы посетить какое-нибудь модное мероприятие, но вспомнила, что Неделя моды в Париже закончилась в марте.

Е Линь посмотрел на меня какое-то время, затем тихо заговорил:

— Есть время? Поешь со мной?

— Ладно, — сказала я, — но сначала я оставлю вещи, — я указала на то, что было за спиной.

— Я подожду.

Я, улыбаясь, кивнула.

Я вернулась в комнату. Моя соседка настраивала гитару. Она китаянка из Сингапура, зовут Лян Айвэнь, с ней мы в основном говорим на китайском.

— Анастасия, с утра тебя искал какой-то человек, он ждал до обеда.

— Да.

Я положила вещи и пошла в ванную помыть руки, а когда вышла, услышала вопрос:

— Ты видела его?

— Да.

— Я думала, он ушел. Честно говоря, он такой красавчик! Твоя родня?

— Нет.

— Парень?

Мне не особо нравился этот допрос, но я сдержанно ответила: — Нет.

— Анастасия, пожалуйста, дай мне его номер телефона! — Лян Айвэнь положила свою гитару и встала передо мной с взволнованным видом, — Раз уж он не твой парень, тогда я за ним побегаю, ок?

Я не удержалась от смеха и, вернувшись в реальность, напомнила:

— Он, возможно, скоро вернется в Китай.

— Расстояние — это не проблема, — с беззаботным видом махнула рукой Лян Айвэнь.

Не думала, что она так скажет, не похоже было на шутку, но... — Я не знаю его номера.

Лян Айвэнь посмотрела на меня, расстроено кивнув, и отвернулась, бормоча себе под нос:

— Аай, принц в черном костюме....

В черном костюме?

Я не понимаю, Е Линь был в белом, где она увидела черный? Я замотала головой, опровергая кое-какую догадку в душе.

На ужин я повела Е Линя в итальянский ресторан недалеко от универа.

— Здесь неплохая еда, — сказала я.

— Часто бываешь?

Я улыбнулась:

— Как же, здесь дорого. Я раньше работала здесь.

Е Линь уставился на меня, у него было немного серьезное выражение лица.

— Я сейчас немного занята, иначе показала бы тебе Париж, — честно сказала я. Я снова начала изучать живопись, и вот-вот скоро выпуск, и моя дипломная работа требует много доработок. Я все еще хочу попутешествовать разок перед выпуском, и даже место уже выбрала, один очень старый городок.

— Я женюсь.

Я слегка замерла,

— Да? Мои поздравления.

— Цзянь Аньцзе, последнее, чего я от тебя хочу — это поздравления, — сказал Е Линь холодным голосом, а глаза его были полны упрямства.

— Но, Е Линь, все, что я могу тебе сказать — только поздравления.

Он внезапно схватил себя за лоб и засмеялся:

— Тебе действительно все равно, — он посмотрел на меня и сказал: — Тебе не нужно бояться, что я, как выживший из ума, пристану к тебе. Проиграл — плати! Я просто хотел тебя увидеть. Раньше я хотел тебя увидеть, но не мог, а сейчас могу, но уже не нужно. Не ты ли говорила, что жизнь — это какая-то шутка? Мои родители — игроки и пьяницы. А моя младшая сестра, когда-то я тебе рассказывал пару раз, она младше меня на семь лет — очень послушная, очень умная, но с детства и по сей день лечилась. В тот год, когда ты пришла ко мне и сказала, что уезжаешь во Францию, я сразу подумал, сколько нужно денег, чтобы уехать за границу? Пятьсот тысяч? Миллион? В то время у меня и пятидесяти юаней не было, я гасил долги в несколько десятков тысяч.

— Я не знала....

— Конечно, ты не знала. Я не мог жаловаться любимой девушке, — он позвал официанта: — Принесите, пожалуйста, бутылку вина, я сегодня в хорошем настроении. Нужно отпраздновать, раз уж я впервые обедаю вместе во Франции с той, кого люблю, — он говорил на китайском, и мне пришлось помочь ему принести официанту извинения.

Е Линь не отпускал руку:

— Дайте мне бутылку вина, вы что, не понимаете?

Я встала и подошла к нему:

— Хорошо, не надо создавать проблемы.

— Я не создаю проблемы, я всего лишь хочу выпить и отпраздновать, не так ли?

Мне пришлось заказать у официанта вино, а потом я смотрела, как он бокал за бокалом осушил полбутылки, что я его притормозила:

— Хватит.

Е Линь оперся на стол:

— Мне очень грустно, Аньцзе, очень грустно... Такое чувство, что ты выросла, а я так и остался подростком с тех пор, как ты ушла тогда... — он говорил и говорил, голос становился все тише, и через какое-то время он перестал двигаться, уснул. Я не могла не протянуть руку и не коснуться его лба.

Мы так и просидели до вечера, время от времени он говорил пару фраз, словно просто разговаривал с некогда юной мной.

Он говорил:

— Аньцзе, пойдем погуляем на детской площадке.

Он говорил:

— Аньцзе, учитель пришел, а ты меня не разбудила.

...

Мои самые невинные годы прошли с ним, я никогда не сожалела об этом. Просто мы оба понимали, что всё-таки упустили друг друга в этой длинной реке времени, даже если и в самом начале мы волей-неволей несли на своих плечах неизбежные горести.

Я с помощью официанта усадила его в такси. К счастью, при нем была карта-ключ отеля. Я привезла его на место, и когда я покинула его, было уже раннее утро.

Когда вернулась в общежитие, в холле на первом этаже я увидела мужчину.

Франция сейчас такая популярная? Все сюда едут! И все же сейчас глубокая ночь. Но если еще раз хорошенько подумать, если это он, я совсем не удивлюсь.

— Вернулась? — спокойно сказал он.

Я прошла через холл к лестнице, игнорируя его.

Я не хочу его видеть, я даже думать о нем не хочу. Он — часть моих ужасных, невыносимых воспоминаний, свидетель каждого моего жалкого побега от него.

— Когда же ты, в конце концов, перестанешь упрямиться? — донесся до меня безмятежный голос.

Что он называет упрямством? То, что я не хочу больше обращать внимание, это зовется упрямством? Тогда как называется его поведение, если он приехал сюда? Быть посмешищем или бить лежачего?

— Почему ты каждый раз бежишь в панике?

Даже если ему было все равно, его слова все равно умудрялись задевать меня. Он знал, как заставить меня чувствовать неловкость.

Я обернулась и посмотрела на него:

— Си Сичэнь, чего тебе надо?

Я так и не принимала его во внимание, однако его отношение часто тревожило меня. Мне пришлось посмотреть ему в глаза:

— Люди должны понимать, что такое не выходить за пределы дозволенного. Я уже оставила вас в покое, поэтому, пожалуйста, перестань снова приходить и беспокоить меня!

Я закрыла дверь спальни и глубоко вздохнула.

<http://tl.rulate.ru/book/30369/1515519>